

Сменились времена года и вот, в начале осени я, наконец, выписываюсь. Обследование и восстановление заняли определенное время, но главное было в другом.

Мой брат, не дожидаясь пока я выпишусь, сразу после того пошел в полицию.

Убедившись, что моё состояние стабильное, он решил сдать с повинной. Неудивительно, что его поступок наделал много шума. В тот день всё внимание обратилось на меня, спасённого благодаря проступку брата. Публике неясно – преступник я или жертва. Но, понимая, что журналисты неизменно будут за мной охотиться, соседняя больница согласилась укрыть меня.

Раздался лёгкий стук в дверь, и не успел я ответить, как в щель просунулось лицо Ватару.

- Ну что, готов? – спросил он.

- Угу.

Ватару взял сумку, туго набитую моими вещами и мы вышли из палаты.

Мы шли к лифту по длинному коридору.

- Тебе теперь некоторое время немного... нет, довольно нелегко придётся.

- Знаю.

Хоть уже прошло несколько месяцев с тех пор, как брат сдался с повинной, после моей выписки он опять будет у всех на устах. Даже если скрыть имя, те, кто меня знают, поймут, что это я.

И школу, и моих друзей – всех впереди ждут трудности.

- Нельзя было ему так поступать. Пусть даже была причина, даже если его простят, думаю, нельзя было так делать, – сказал я.

Суд ещё впереди.

Но, каким бы ни был приговор, карьеры врача ему уже не видать.

Он навсегда утратил эту квалификацию.

Цена, которую заплатил мой брат – не только жизнь Шиины Тооя. В неё входит и его собственное будущее. Поэтому я не могу абсолютно во всём одобрить его поступок.

- И всё-таки его поступок не бессмысленный, то, что он сделал – не зря, я...

Меня оживили жизнь брата Мике, жизнь Шиины Тооя и любовь моего старшего брата.

Всё началось с этого сердца, и моя жизнь была спасена.

Поэтому.

- Я своей собственной жизнью это докажу.

Пока это сердце бьётся, я не сдамся.

Не позволю двум жизням и любви брата пропасть даром.

Я принимаю ответственность за судьбу этого сердца.

Возможно, в будущем и мне, и брату будет о чём пожалеть. Но потом часто будет так, что мы будем радоваться тому, что я жив. У меня есть те, кто научили меня так думать.

- Я тебя поддержу, - отозвался Ватару. - Ведь ты - наша форма счастья.

Мы спустились в холл на первом этаже. Там рядышком сидели Нора и Мике.

Посещение пациентов было разрешено только членам семьи, так что теперь мы впервые увиделись через несколько месяцев с того самого дня.

Ватару, сказав, что пойдет развернёт машину, ушёл вперед.

Я приблизился к ним, первым меня заметил Нора.

- Тама!..

Я обнял его в ответ и через его плечо посмотрел на Мике.

Мике сидел с кислой рожей. Увидев на его правой щеке синяк, я удивился, но до меня тут же дошло: это Нора его наградила.

Раз уж я вижу их тут сидящих рядом - решили вдвоём отвечать за ошибки прошлого.

- Тамочка! С выздоровлением!

- Спасибо. Пришёл меня встретить?

- Угу.

Мике повернул ко мне здоровую щеку:

- Давай, врежь мне!

- Че?.. Как бы... от удара мне же хуже будет, так что лучше воздержусь.

- Ну... Ну, тогда отругай меня!

- Злиться утомительно, так что я пас.

Мике озадаченно потупился. Я протянул ему правую руку.

Он на меня много обижался и злился. Но мои хорошие чувства к нему не могут измениться, и я думаю, что он чувствует так же. Не могу представить, чтобы все дни, которые мы провели вместе, были сплошной ложью.

- Если я снова где-нибудь рухну, ты ж меня дотащишь? Как тогда, на церемонии открытия.

Мике бережно взял мою руку, будто принял какую-то драгоценность.

- Само собой!

Я был доволен тем, что он принял мою руку и рассмеялся. Мике озарился улыбкой. Кажется, я уже целую вечность не видел, как он улыбается.

- Как сам-то?

- Вялый, тяжелый, усталый.

- Как же так?

Как я и думал, то, что я раньше мог бегать, это всё благодаря сердцу Шиины Тооя.

Даже после реабилитации тело не становится таким, как ты ожидаешь. Сразу дыхание учащается, сердце, не до конца сросшееся с нервами, даёт аритмию. Что же это за легкость была такая тогда?

В ближайшее время бегать не смогу, строгий восстановительный режим, вялость, слабость, мгновенно устаю, но...

- Но мне кажется, что сейчас я намного больше живой, чем раньше.

- Вот как! - порадовался Мике.

Нора, продолжавший сжимать меня в объятиях, хлюпал носом. Я медленно погладил его большую спину.

- Спасибо, что ты жив,- всхлипнул он.

- Спасибо, Тамочка.

Вот видишь - немало есть мгновений, когда можно порадоваться тому, что я жив.

Времена года сделали круг и снова наступила весна.

Я завязал галстук на накрахмаленной рубашке и, глядя в зеркало, пригладил волосы.

Посмотреть справа, посмотреть слева, последняя проверка.

- Тама, опоздаешь на церемонию поступления! - донёсся из коридора голос Ватару.

Я глянул на часы. Времени было ещё достаточно.

- Та-а-ма-а!

- Уже иду! - ответил я подгоняющему меня Ватару, который ликовал больше меня.

Держа начищенный до блеска портфель, я подошел к столу и поприветствовал его.

- Ну, я пошёл.

*** Конец! ***

<http://tl.rulate.ru/book/27396/858250>